

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/24/11

«Потерянный рай»: пространственная образность в травелоге «Под ясным небом Малороссии» С.С. Евсеенко

*Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}
Ирина Владимировна Гаузер^{3, 4}*

*^{1, 3} Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

*^{2, 4} Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия*

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} fstud2008@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены пространственные образы Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний в травелоге «Под ясным небом Малороссии» С.С. Евсеенко. Установлено сочетание фактографического нарратива и «пиитической» традиции изображения Малороссии в ее идиллической и легендарно-исторической ипостасях. Последняя наиболее ярко выражена в репрезентациях харьковских топосов. Также выявлено влияние литературных образов, созданных в том числе Т.Г. Шевченко, на авторское восприятие малороссийского пространства.

Ключевые слова: имагология, пространство, Украина, Малороссия, Черниговская губерния, Полтавская губерния, Харьковская губерния, травелог, С.С. Евсеенко, идиллия

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>.

Для цитирования: Жданов С.С., Гаузер И.В. «Потерянный рай»: пространственная образность в травелоге «Под ясным небом Малороссии» С.С. Евсеенко // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 229–254. doi: 10.17223/24099554/24/11

Original article

doi: 10.17223/24099554/24/11

"Paradise Lost": Spatial imagery in the travelogue *Under the Clear Sky of Little Russia* by Sergei Evseenko

Sergey S. Zhdanov^{1, 2}

Irina V. Gauzer^{3, 4}

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} fstud2008@yandex.ru

Abstract. The article examines the spatial images of the Chernihiv, Poltava, and Kharkiv governorates in Sergei Evseenko's travelogue *Under the Clear Sky of Little Russia*. The representation of space can be presented through a series of oppositions, for instance, a factographic, neutrally described "Little Russia" versus a positively described "poetic" Little Russia. The importance of the "poetic" element is determined by its actualization in the text's "strong" points – the title and the final scene. This "poetic" quality has two facets. One is the idyllic, associated with the image of an achronal, midday Russia that formed in sentimentalist texts. Its markers are motifs of attractiveness and demi-naturalness, manifesting the mythologeme of naturalness. The idyllic element is expressed to varying degrees in the three local variants of the Little Russian space and is contrasted with an anti-idyllic element – a negatively depicted Little Russia. The anti-idyll is most pronounced in the representation of Chernihiv Governorate, where it is actualized in descriptions of urban provincial topoi, marked either by motifs of a technicist civilization as the opposite of naturalness, or by motifs of provinciality (apathy, irrationality, dullness, boredom, etc.). In the text, the Chernihiv region is a variant of a lost (desecrated) paradise. The only idyllic aspect in its depiction is the representation of the forest space, marked by motifs of healing, purity, and respite. It is also worth noting that Chernihiv Governorate is characterized by the least degree of not only "poeticism," but also "Little Russianness" (in relation to the human sphere). Next in terms of idyllic degree is the representation of Kharkiv Governorate. Here we find, on the one hand, the moderately idyllic topos of Slavyansk and its "civilian" resort, as well as the extremely expressively described sacred demi-natural locus of the Svyatogorsk Monastery. On the other hand, there are loci with negative connotations, such as the military water therapy establishment and the

Horlivka mines. The latter share anti-idyllic features similar to those in Chernihiv (motifs of poisoned air/impaired breathing, human exploitation). The human sphere is characterized by a combination of Little Russian and Great Russian traits. The idyll is most fully actualized in the depiction of Poltava Governorate, whose nature is of a steppe character. Furthermore, the anthropic "Little Russianness" is most strongly expressed in this spatial variant. The second, legendary-historical facet of the "poetic" is also actualized unevenly across the local variants. The space of historical memory in Chernihiv Governorate is manifested in descriptions of loci related to industrial and Old Believer spheres. Within the depiction of Poltava Governorate, we encounter only weakly expressive images associated with the Battle of Poltava. Historicity is most vividly represented within Kharkiv Governorate, whose representation emphasizes the Russian-Tatar liminality of the territory within the timeframe of the 17th–18th centuries and the Cossack element.

Keywords: imagology, space, Ukraine, Little Russia, Chernihiv Governorate, Poltava Governorate, Kharkiv Governorate, travelogue, S.S. Evseenko, idyll

Financial support: The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>; Novosibirsk State Technical University.

For citation: Zhdanov, S.S. & Gauzer, I.V. (2025) "Paradise Lost": Spatial imagery in the travelogue *Under the Clear Sky of Little Russia* by Sergei Evseenko. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 24. pp. 229–254. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/24/11

Маркированные украинскостью / малороссийскостью образы, в том числе пространственные, в русской словесности XIX в. не раз выступали предметом исследования в монографиях [1–3], статьях [4–14] и диссертациях [15–17], опубликованных в первой четверти XXI столетия. В качестве текстовых источников в них привлекались среди прочего отечественные травелоги. В то же время обширность этого материала, нуждающегося также в имагологическом осмыслении, обусловило неравномерность исследованности русских травелогов XIX в. В частности, насколько нам известно, в отечественном литературоведении никогда не анализировался травелог «Под ясным небом Малороссии» С.С. Евсеенко, который, будучи опубликован в 1901 г., повествует о путешествии автора по Черниговской, Полтавской и

Харьковской губернии конца XIX в. («в девяностых годах»)¹ [18. С. 3]) и, следовательно, содержит репрезентацию малороссийского пространства, тесно связанную с традицией изображения Малороссии в данном столетии.

Соответственно, прежде чем установить специфику текста Евсеевского, вкратце охарактеризуем те нарративы, в рамках которых зарождалось описание этого пространства. О.С. Крюкова, сконцентрировавшись в своем исследовании на романтическом нарративе и подчеркивая «преимущественно литературный образ» Украины в русской словесности, выделяет в его формировании два ключевых периода: во-первых, «предромантический», когда «регион мыслился под знаком патриархальной идилличности, безыскусности и цельности», а во-вторых, собственно романтический со свойственным ему «романтическим двоемирием», создающим «образ идеального топоса, на который проецировались реальные впечатления от ближних и дальних путешествий или просто обобщенные представления... о райском уголке земли» [3. С. 11]. В целом подчеркнута двусоставность смыслового ядра малороссийского пространства, куда наряду с идилличностью входит также живущая в преданиях и песнях «память о героическом прошлом» [3. С. 14]. При этом данное «легендарное» пространство исторической памяти, включающее, как указывает С.О. Курьянов, мифологему Запорожской Сечи, тесно связано с мотивом «тоски по утраченной свободе» [8. С. 768]. Несколько иной генезис украинской пространственной образности зафиксирован в работе Е.Е. Левкиевской, выделяющей три этапа: первый, сформированный «сентиментальной литературой путешествий (В. Измайлов, П. Шаликов)», концентрируется на мотивах идиллии («Аркадии»-Украины) и «человека естественного»; «второй этап освоения русской литературой образа Украины и украинца связан с историко-героической темой, посвященной, главным образом, казачьему прошлому Украины» [19. С. 157]; третий же, основанный на «принципах романтической эстетики и «вальтерскотовского» осмыслении Украины как «русской Шотландии»», обращается к «этнографическому колориту Украины» как «фону», «на котором действуют романтические герои» [19. С. 158].

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемого текста приближены к современным. – *Авт.*

Следовательно, начальный этап ассоциируется с сентименталистским нарративом, а второй (имплицитно) и третий (эксплицитно) – с нарративом романтическим. Задаваемая Левкиевской схема генезиса украинской темы в русской литературе, однако, имеет ряд недостатков. Во-первых, она содержит некоторую нечеткость периодизации, поскольку в качестве примера произведений второго этапа приводится гоголевский «Тарас Бульба» [19. С. 157], а третьего – «Вечера на хуторе близ Диканьки» [19. С. 158], так что может сложиться впечатление, будто бы последний текст создан после первого. Во-вторых, сентименталистским травелогам противопоставлены нетравелогические произведения Гоголя.

Насколько нам позволяет судить наш опыт анализа текстов русских травелогов конца XVIII – первой половины XIX в., картина выглядит несколько сложнее, по крайней мере для травелогов. Действительно, с одной стороны, мотив идилличности Малороссии активно формируется в рамках сентименталистского нарратива. С другой – параллельно (хотя порой и в связи с сентименталистским) продолжает развитие фактографический и травестийный взгляды на малороссийское пространство, обусловленные досентименталистской традицией, примерами чему служат тексты П.И. Сумарокова [20], И.М. Долгорукого [21] (в последнем случае сентименталистские локусы скорее формируют «анклавы», окруженные неидиллическим травестийным пространством [14. С. 243]). Далее мотив мифологизируемой казацкости начинает формироваться еще в рамках сентименталистских / предромантических текстов. Так, в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки возникает мотив казаков Хмельницкого как борцов за свободу, которым «противопоставлена анархическая, маргинальная казацкость Запорожской Сечи»¹ [22. С. 79]. В сентименталистских же «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина [23] наряду с идиллической репрезентацией складывается целый хронотоп «казацкой Малороссии» со своими героями и антигероями, а также наблюдаются элементы «рационально-объективной, фактографической манеры изоб-

¹ Ср. с противопоставлением в сумароковском тексте казаков Слобожанщины как «преграды татарским набегам» [20. С. 47] «вредоносному гнезду Запорожской Сечи» [20. С. 163].

ражения пространства» [12. С. 39]. Таким образом, идиллическое, героическое (легендарно-историческое) и фактографическое начала оказываются тесно переплетены в отдельных травелогах, которые часто не укладываются в рамки одного, строго отделяемого от другого нарратива. При этом литературность малороссийского пространства постоянно усиливается за счет интертекстуальности, в которой ко второй половине XIX в. выделяются два персональных текста – гоголевский и – позднее – шевченковский. Не случайно именно фигуры Гоголя и Шевченко выбраны М.И. Назаренко в рассуждениях о путях развития украинского текста в его русском (великоросском) и украинском вариантах. Хотя исследователь и противопоставляет гоголевский текст левшинскому, он подмечает в них некое родство – сочетание идилличности (в настоящем, причем в случае более позднего Гоголя – «сокращенного эдема», потерянного рая, вышедшего из «внеисторической неподвижности и начальной невинности», пропитанного скукой существования миргородских обывателей) и героичности в прошлое: левшинская «мирная воинственная Малороссия – такой же незамечаемый оксюморон, как страшный дружественный Тарас Бульба» [4]. Эта постгоголевская Малороссия зафиксирована, например, в погодинском тексте, где гоголевский текст интерферирует с авторским описанием пространства («В Миргороде те же широкие улицы, низменные домики, грязь по дороге и лужа на перекрестке, как во время ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем» [24. С. 160]) и при этом акцентированы мотив потерянного рая и утраченной невинности («роскошь уже закралась и производит опустошения, рождает недостаток, притеснение и насилие» [24. С. 162]). Показателен также малороссийский фрагмент гречевского текста, как и погодинский, относящийся к 1840-м гг. [25]. Здесь Малороссия названа «пиитической», тем самым противопоставленной «прозаическому» пространству. В свою очередь, гречевский «пиитический ониризм» [13. С. 188] связан как с идиллической, природосообразной и ахронной локальностью, так и с пространством исторической памяти в легендарно-песенном варианте: «Заунывные малоросские песни ублаживали меня в первые дни моего существования. Киев со всеми своими красотами, преданиями, поверьями был тою волшебною страной, куда летало детское мое воображение» [25. С. 191].

Вышеизложенные соображения следует учитывать при анализе малороссийского пространства у Евсеенко. На первый взгляд содержание текста резко противопоставлено его пиитическому названию. Вместо идиллического «ясного неба» как маркера «полуденной России» читатель зачастую встречает многостраничные фактографические описания, касающиеся экономических, геологических, гидрологических, ботанических и т.п. характеристик губерний, устройства местных аптек или горловских угольных шахт. В этом путевые заметки Евсеенко-врача напоминают травелоги М.П. Жданова, «главнейшею целью» путешествия которого, по его собственному утверждению, являлось «наблюдение за состоянием в нашем отечестве сельского хозяйства и в особенности садоводства», на что в записках обращено «наибольшее внимание» [26. С. II–III], и екатеринославские фрагменты текста ботаника В.М. Сидорова [27], превосходя, однако, по скрупулезности и безыскусности изображения последние два произведения.

Причем за исключением Полтавы текст Евсеенко не содержит репрезентаций губернских городов, сосредоточиваясь на описании природных или малых урбанистических локусов. Принцип выборки объектов изображения основан на административном членении Российской империи, в результате чего мы встречаем в травелоге образы Черниговской губернии, которые лишь формально относятся к Малороссии, не будучи содержательно маркированы малороссийскостью. Такова, например, репрезентация посада Клинцы. Как и у Левшина [12. С. 38], часть Черниговщины у Евсеенко отмечена мотивом раскольников: «Основание Клинцов относится к началу XVIII столетия и приписывается раскольникам, бежавшим из России... в местные, когда-то непроходимые, дремучие леса. Как свидетельство былых времен недалеко от Клинцов... в лесной чаще ютятся два старообрядческих монастыря» [18. С. 11].

Для топосов Черниговщины характерен также мотив обезлесения, который встречаем еще у Жданова («Леса в губернии год от году приходят в худшее состояние: винокурни чрезвычайно много потребляют лесного материала» [26. С. 169]) и связан у Евсеенко с мотивом потерянного рая. Но если в ждановском тексте этот мотив эпизодичен, то в евсеенковском становится лейтмотивом: «это-то богатство, этот

естественный дар природы – лес, клинцовские заправицы решили срубить!?!» [18. С. 7]; «варварское обращение» «с природными богатствами этой местности» и «его ужасные последствия»; «безрассудная, беспощадная и недальновидная система истребления всего леса, изменявшая климат, почву и цветную растительную культуру; благодаря этому, реки превращались в ручьи, озера в топкие болота или в высохшие овраги, поля – в бесплодные песчаные равнины и т.п.» [18. С. 12–13]; «Лесоистребление здесь достигло таких размеров, что я... не узнавал совершенно многие местности... Иссекали реки, явились овраги и летучие пески, обещающие обратить культуру полей в пустыню; в Глуховском у. ...в д. Вязенке песком истреблена часть огородов и сенокосов, в с. Уздипе занесен сенокос и часть поля» [18. С. 16]. Вообще локусы песков и оврагов есть места актуализации энтропийности, разрушающей демиприродные локусы полей (и дорог) в Черниговщине и Харьковщине: «во многих местах... господствуют пески, убивающие... всякую растительность» [18. С. 15]; «местами пески, местами овраги и высохшие речки» [18. С. 16]; «За последние 30 лет площадь песков здесь (в Черниговской губернии. – *Авт.*) возросла на 37000 десятин... Овраги также наносят громадный ущерб местному сельскому хозяйству; они уничтожают в несколько часов громадные пространства культурных земель, иссушая поля и удлиняя дорогу часто на многие версты... страшный враг надвигается на эту местность – призрак бесплодной пустыни!» [18. С. 16–17]; «В Харьковской губернии эта площадь песков обнимает 80000 десятин, не считая оврагов» [18. С. 16]. Через мотив песчаности актуализирована контаминация пространств Малороссии и Центральной Азии: «площадь сыпучих песков, ...рост оврагов в Черниговской губернии сильно увеличиваются, ...повторяются... пыльные смерчи и бураны, переносящие пески и почву с полей и местами заносающие даже железные дороги, так что кое в чем местность эта стала... походить на сухие нагорья Центральной Азии» [18. С. 16].

Мотив загрязнения, связанный с мотивом потерянного рая и маркирующий пространство как антиидиллию, свойствен также локусам клинцовских «чулочных, суконных и парусиновых фабрик», «кожевенных и других заводов», из-за чего топос приобретает негативный статус «русского Манчестера». Этот мотив предстает в вариантах

дыма и копоти как противоположности идиллическому мотиву «ясного неба Малороссии»: «посад совершенно невидим и только густые облака дыма, поднимающиеся над лесом... копоть и загрязнение воздуха от вечного дыма» [18. С. 4]. По сути, Клинцы изображены антиантропным пространством: «фабричный дым, загрязняющий окружающий воздух и в зимнее время делающий пребывание здесь для непривычного человека почти невыносимым» [18. С. 7]. Другие варианты мотива загрязнения воплощены в описаниях локусов грязных улиц, отравленной и зараженной микроорганизмами реки: город «не удовлетворяет самым слабым требованиям современной гигиены», «невылазная грязь и уличный мусор» [18. С. 4]; «фоном... служит... речонка (Туросна), которая до такой степени загрязнена разного рода фабричными отбросами и нечистотами, что в летнее время нет возможности пройти по ее мосту без тошноты и головокружения... вода имеет отвратительный вкус и запах... рыба в ней гибнет целыми массами, а скот... болеет разного рода желудочно-кишечными расстройствами и часто падает» [18. С. 4–5]. Также Клинцы маркированы мотивом непривлекательности («неприглядная внешность» [18. С. 4]). Наконец, репрезентация города выстроена на гротескных антитезах света («электричество») и тьмы («непроглядная темнота неосвещенных улиц»), грязи и роскоши («роскошные экипажи», «тысячные рысаки»), технического прогресса («новейшие машинные усовершенствования») и непросвещенности («массовая безграмотность фабричных рабочих и их заправил») [18. С. 4].

Вообще, столкновение начал прогресса и неразумия¹ – один из ведущих мотивов в тексте Евсеенко. Так, в Клинцах автор отмечает как «общительность» и «пробуждение от стародавней летаргии»² «под влиянием образования» (мотив открытости пространства), так и «замкнутость и обособленность местного общества» (мотив закрытости)

¹ Ср. также противопоставление локуса «прекрасно устроенной местной аптеки» преобладающим среди «местного простого люда» «знахарству», «грубому эмпиризму и коновальству» [18. С. 12].

² Например, П.А. Бибииков, изображая Екатеринослав 1860-х гг., прибегает к сходным мотивам покоя, апатии и кошмара: «Все погружено в глубокий невозмутимый покой, в удушливую для постороннего организма апатию. ...Словно одуряющий кошмар распростер над нею (провинциальной жизнью. – *Авт.*) свои крылья...» [28. С. 108].

[18. С. 12]. Здесь также реализуется оппозиция «новое (прогрессивное) – старое (косное)». Характеристика последнего принимает в том числе литературные формы: «бессмертные типы Островского и даже Гоголя здесь еще встречаются во всей своей неприкосновенности» [18. С. 12]. В данном фрагменте гоголевский текст предстает не как патриархальная идиллия, а в негативно-провинциальной ипостаси. Аналогичным образом хищническая вырубка леса противопоставлена новейшим знаниям («все это совершается в то время, когда к печати, в земских собраниях и в... ученых обществах идут оживленные разговоры о насаждении лесов, сохранении и сбережении их!...» [18. С. 13]).

В целом города Черниговщины маркированы типажными для пространства провинции мотивами непривлекательности, маломасштабности, скуки / грусти / серости: Сураж, «считающийся, по какой-то иронии судьбы, уездным городом», но напоминающий «скорее большое село или плохую пригородную слободку» [18. С. 13]; «Местная общественная жизнь бедна, сонлива и чужда каких бы то ни было духовных стремлений; на ней лежит какой-то отпечаток беспросветных, серых сумерек и полное отсутствие высших общественных интересов» [18. С. 14]; «При... знакомстве с этими городами почти не над чем было остановить свое внимание: ...будничная серенькая жизнь, отсутствие общественных интересов» [18. С. 16]; «грустные условия существования в местной провинциальной глуши» [18. С. 17].

Мотив потерянного рая актуализирован и через связь с мотивом (экономического) упадка и запустения. Так, «местечко Мезиричи» представлено в двух темпоральных планах: в прошлом («былые времена (лет 30 тому назад)») здесь «процветала обширная суконная мануфактура», локус которой маркирован масштабностью, многолюдностью («обширная фабрика», «огромное число немцев», выписанных из Германии) [18. С. 13]. В настоящем эти мотивы заменены на противоположные («С прекращением фабричного дела немцы ушли и Мезиричи опустели») [18. С. 13]. Энтропийность топоса актуализирована в локусе «развалин с колоссальными фабричными трубами» и «обширного немецкого кладбища», напоминающего «о былой кипучей жизни в этом месте всеобщего запустения» [18. С. 13]. Мотивы упадка и запустения выражены и в репрезентации помещичьих усадеб: «местное коневодство, с обеднением и запустением помещичьих хо-

зайств, стало сильно падать, мельчать и вырождаться; известные в былое время конные заводы... совершенно прекратили свое существование или влачат еще жалкие следы своего прежнего величия»¹ [18. С. 18]; «много встречалось имений с дворцами, театрами, парками и прудами, ...но все они находятся в грустном состоянии разрушения» [18. С. 19].

Таким образом, антропоное пространство Черниговщины в целом маркировано негативно. Ему противопоставлены положительно описываемые природные локусы, прежде всего лесные². Лес отмечен мотивами привлекательности (визуальной и ольфакторной), густоты, здоровья, чистоты, тишины, богатства, свободы (дыхания): Клиницы окружены, «прекрасным строевым сосновым лесом» [18. С. 4]; «Неисчерпаемое богатство и прелесть Клинцов – это его дремучий, стройный сосновый лес, ...имеющий огромное оздоравливающее значение; без него Клиницы были бы невыносимою зловонной клоакой; ...он умеряет своим смолистым ароматом посадские зловония, очищает воздух и доставляет здоровое отдохновение в тени несколькими тысячам фабричных тружеников. ...лес, с его тишиной, тенью и ласкающим ароматом» [18. С. 6]. Описывая пространство идиллии, в то время как город есть пространство антиидиллии, нарратор смещает повествование в «лирический» регистр³, прибегая, в частности, к олицетворению и метафорам, восклицательным предложениям: «Статные сосны где-то высоко шепчутся над вами; длинные, колючие ветки едва шевелятся; дятел неустанно совершает свою работу, резко отчеканивая каждый удар своего крепкого клюва. Неизъяснимое спо-

¹ Сходную картину упадка помещичьих локусов к концу XIX века изображает А.Н. Молчанов в пространстве Екатеринославской губернии: «Екатеринослав – помещичье гнездо. ...искусственным путем еще кое-как поддерживается оживление города. ...на постоянных дворах коляски, остатки помещичьей роскоши» [29. С. 360].

² Другой вариант естественных, положительно маркированных локусов – речные пространства. Так, «украшением» Суража служат «хорошая многоводная река Ипуть и уцелевшие еще остатки соснового леса» [18. С. 13–14].

³ Впрочем, не всякий природный локус описывается в тексте идиллически. Встречаются также обобщенные фактографические (ботанические) репрезентации природного пространства.

койствие западает в душу, проникая во все части человеческого существа, а кругом так дремотно, тихо и веет ароматом! Но вот набежал ветерок, зашумели верхушки стройных сосен, словно морские волны; сквозь стройно идущие прогалины между деревьев виднеются кусты вечнозеленого папоротника; тут же ютится земляника и отдельно стоят грибы (мухоморы) под своими красивыми, но зловредными шляпками» [18. С. 6]. Если город изображен во многом как пространство упадка, неестественной цивилизации, то лес, наоборот, наполнен природной жизнью. В этом локусе мотив покоя приобретает коннотации, противоположные городским, антиидиллическим – не апатии, а сна-отдохновения, смещающего границы реального и фантастического и актуализирующего ониризм нарратора: «сердце то вдруг задрожит и забьется, то замрет в воспоминаниях. Вся прошлая жизнь развертывается в думах легко и быстро, как давно прочитанная книга» [18. С. 7]. Закономерно, что черниговские леса получают идиллическую огласовку, актуализируют мотивы сохранившегося рая и оздоровления, тогда как в городском пространстве доминируют мотивы потерянного рая и болезни: «В летнее время почти все окрестные деревни... наполняются проезжими грудными больными, чающими найти исцеление в этом чудном лесном раю, и многие из них, действительно, получают значительное облегчение и даже исцеление от своего недуга» [18. С. 7].

Следует отметить особую важность оппозиции «болезнь – здоровье» для изображаемого хронотопа. Понятие болезни, во-первых, трактуется в тексте исходя из позиции нарратора, который одновременно выступает и врачом, и пациентом (как мы узнаем, он едет в том числе лечиться на «славянские минеральные воды» [18. С. 27]). Отсюда особая роль репрезентаций курортов в травелогге. Во-вторых, болезнь понимается шире – как примета конца века, общественное нездоровье, атмосфера напряжения и неестественности. Это выражается, в частности, в противопоставлении двух типов богомольцев, наблюдаемых нарратором в Святогорском монастыре: с одной стороны, богомольцы-крестьяне, в образе которых актуализированы мифологемы естественного человека и народа-страдальца («приходят сюда тысячами, чтобы помолиться и отдохнуть нравственно от своих многолетних непосильных трудов» (мотив оздоровления)); с другой – «не имеющие» с первыми «ничего общего» «астеники», «чудаки»,

«люди со странностями», вносящие в социум «разложение и деморализацию» (мотив заражения) [18. С. 40]. При характеристике отрицательного антропного начала Евсеенко обращается к литературе, видя сходство реальных людей с персонажами Достоевского, Чехова и Толстого. Данный мотив общественной болезни (и энтропии) актуализирован также в финале произведения, когда нарратор покидает Малороссию, чтобы «отправляться снова туда, где все переполнено мелкими заботами, служебными дрязгами и той болезненной нервностью, сливающей под именем психоза» [18. С. 49]. В этом смысле пространство Малороссии выступает топосом-убежищем, идиллией и «раем», пусть, как было показано выше, и частично потерянным.

Повторим, собственно идиллическим в рамках изображения Черниговской губернии выступает природное пространство. В антропно-«этнографическом» же плане Черниговщина¹ в тексте Малороссией не является, если вспомнить характеристику Клинцов, население которых «состоит из русских, евреев и немцев-колонистов, выписанных некоторыми фабрикантами около 80 лет тому назад из Германии специально для фабричного дела» [18. С. 11]. Та малороссийскость, известная нам еще в сентименталистских текстах, проявляется прежде всего в репрезентации Полтавской губернии, в описании городов Пирятина, «типичного представителя Малороссии» [18. С. 20], и Прилук, чье окружение маркируется не как лесное, а как степное пространство («чисто степной характер» [18. С. 20, 21]; «роскошная степная равнина с цветущими полями, сочными лугами и привлекательными малорусскими деревнями» [18. С. 21]). Это уже в большей степени демиприродный пейзаж с мотивами привлекательности (визуальной и ольфакторной), упорядоченности, изобилия и ясного неба, т.е. идиллический, свойственный мифологеме «полуденной России»: «Там и сям желтеет высокая рожь и правильными рядами лежит скошенная трава; воздух... напоен благоуханием скошенной травы, поспевающей ржи и отцветающей гречихи. ...небо чисто и поразительно ясно» [18. С. 24]. Здесь же встречаем и типажный двойной животное-антропный образ хохла и его вола [30. С. 83]: «что-то протяжно заскрипело, послышалось флегматичное гэ-гэ-гэ! и из глубины высокой

¹ Дихотомию «настоящей» Малороссии и Черниговщины встречаем еще у Левшина [12. С. 45].

ржи медленно выдвинулась телега, запряженная парюю... быков с типичным хохлом и всеми атрибутами Малороссии» [18. С. 23]. Кроме того, в отличие от Клинцов, подчеркнут «преимущественно» малороссийский состав населения Прилук [18. С. 23]. Также городское пространство описано положительно посредством мотивов привлекательности («Мужская гимназия, городской общественный банк, больница и две аптеки составляют украшение города»), оживленности («Жизнь в городе, благодаря... ярмарке, отличалась необычным оживлением и суетой торгового люда»), подчеркнутой демиприродности («весь утопающий в зелени и садах») [18. С. 23]. В качестве негативных свойств пространства отмечены лишь мотивы жары и пыли («Зной густеет, становится томительно жарко, пыльно, душно» [18. С. 23]) и «невыносимой» ярмарочной музыки [18. С. 24]. Те же положительные мотивы (антропная малороссийскость, демиприродность, привлекательность) характеризуют современную нарратору Полтаву: «Из всех городов Малороссии едва ли найдется другой город более симпатичный, более привлекательный по своей общественной жизни и простоте нравов, чем Полтава – с ее зеленью, садами, рощами и серебристыми, по окраинам города, домиками; в ней нашли... отражение все национальные черты малорусской народности: добродушие, общительность и какая-то особенная задушевность, окрашенная безобидным юмором и отпечатком легкой грусти» [18. С. 25]; «Население города... состоит преимущественно из малороссов, небольшого количества евреев и немцев» [18. С. 26]. Сюда же относится и «сравнительная» «дешевизна» жизни [18. С. 25], делающая город уютным тихим местом, прибежищем «отставных чиновников, офицеров и других лиц, получающих определенную ренту» [18. С. 26], т.е. патриархальным идиллическим топосом с «простотой нравов».

При этом пространство исторической памяти Полтавы выражено гораздо слабее по сравнению с многими текстами начала века. У Евсеенко нет присущего последним батального ониризма, связанного с местом Полтавской битвы. Историческая память, как и в травелогЕ Долгорукого, актуализирована в достаточно нейтральном описании городских памятников «в честь полтавской победы над шведами»: «один, представляющий колонну на гранитном пьедестале, увенчанную бронзовым орлом с лавровым венком во рту и перунами в когтях; сооружен... в 1809 году на том самом месте, где городской комендант

Коллин ...встретил Петра I при торжественном въезде его в Полтаву. Другой, сооруженный в 1849 году, находится на месте бывшей квартиры Коллина, где Петр отдыхал после кровопролитного сражения; памятник представляет прямоугольную призму с мечом, щитом и шлемом наверху» [18. С. 26].

Наконец, репрезентация Харьковской губернии представлена описаниями Славянска и его окрестностей (Святогорского монастыря и шахты в Горловке). Изображение Славянска сходно мотивами малороссийскости и привлекательности с образами полтавских городов, хотя менее экспрессивно и более фактографично, чем образ «приветливой Полтавы»: «население города... состоит почти исключительно из одних малороссов. Украшением города служит: три православных храма, женская прогимназия, два городских училища, три церковно-приходских и до десяти частных школ» [18. С. 27]. Основной упор сделан на изображение соленых озер и водолечебниц. Малороссийскость фиксируется в гидрономике: объяснение названия Репного озера от малороссийского глагола «репнуть» (треснуть), упоминание впадин-«топил» «на местном наречии» [18. С. 30]. В целом демиприродный локус гражданского курорта маркирован умеренной привлекательностью («вполне благообразный и даже привлекательный вид»; «прекрасный парк» с «тенистыми аллеями», «прелестный цветник с душистыми розами, резедой, левкоями, незабудками, георгинами»), комфортом и даже роскошью («кабинеты щедро обставлены всеми нужными принадлежностями»; «просторный зал, обставленный всеми современными удобствами») [18. С. 35]. «Полную противоположность» ему составляет образ военной лечебницы на другом берегу Репного озера: «здесь все уныло, неприятно, казарменно, хотя и с парком – пародией на таковой; ...палаты с голыми стенами, убогой мебелью и отсутствием самых необходимых предметов» [18. С. 35].

Репрезентация Святогорского монастыря отмечена мотивами (визуальной и аудиальной) привлекательности и демиприродности локуса: он относится к местностям, «могущим доставить удовольствие и эстетическое наслаждение», «отличающимся своей чарующей живописностью» [18. С. 36]; по дороге к монастырю «глаза путешественника не могут... оторваться от роскошных видов берегов Донца, покрытых лесами равнин и обнаженных холмов; особенно привлекательны виды с вершины холмов» [18. С. 37]; здесь перед посетителем

предстают «чарующая и не поддающаяся никакому описанию картина», «пропасть, задрапированная сосной, дубом и орешником», «во всей своей красе Святогорский монастырь и берег Донца, утопающий в большой зелени нарядного густого леса» [18. С. 37–38], «восхитительный вид» [18. С. 38], «дивная картина», «чудный вид» [18. С. 39], «чудный живописный уголок», «мелодичные переливы часовых колокольчиков», «чарующие лесные звуки» [18. С. 40]. Мотивы чуда и очарования актуализируют переход нарратора-созерцателя в онирическое сакральное пространство: «В такие минуты... мысли направляются к тому высшему порядку идей, где все так необъятно, таинственно и, вместе с тем, притягательно» [18. С. 39]. Демиприродность локуса также подчеркнута сравнением сублокуса церкви Св. Николая с «ласточкиным гнездом» [18. С. 38]. Кроме того, место, где можно встретить «десятки тысяч богомольцев» со всей Руси [18. С. 40], характеризует относительно большая степень открытости.

Противоположностью ему выступает локус монашеского скита, маркируемого закрытостью («в самой глухой чаще леса»; «вход... посторонним лицам воспрещен за исключением одного дня в году»; «монахи-сподвижники, совершенно отрекшиеся от всякой мирской суеты» [18. С. 39]. Данное место, отмеченное мотивами мортальности, связанное с «умерщвлением» «плоти и житейских страстей», противопоставлено локусу леса как пространству жизни и визуальности: «Среди этой восхитительной зелени глухого леса с едва пробивающимися ласкающими лучами летнего солнца и дышащей дикой прелестью всей окружающей обстановки чем-то замогильным веет от скита, где невидимо витает сознательная смерть, ни следа движения и какая-то тоскливая пустынность» [18. С. 39].

Описание горловских шахт мало примечательно, представляя собой смесь фактографии со слабо выраженной мифопоэтикой «подземного царства» [18. С. 47]: мотивы темноты, отравленного / испорченного воздуха («окружающий воздух представляется тяжелым, удушливым» [18. С. 44], опасности и страха («опасности» «тяжелого подземного труда»; «смутное чувство какого-то неопределенного страха и боязни» [18. С. 43]). Как и в Клинцах, производственная сфера пространства шахт связана с мотивом эксплуатации – «неограниченной власти капитала» [18. С. 43]. По сути, это изображение служит кон-

трастом к описанию сцены прощания с Малороссией, которая выступает в пиитической ипостаси, имеющей, в свою очередь, идиллическую и легендарно-историческую стороны. Можно говорить о реализации принципа романтического двоемирия, где целереационально-производственное и в то же время иррационально-темное (вызывающее страх) пространство шахт противопоставлено пиитической Малороссии в ее идиллической ипостаси, маркированной мотивами «ясного неба», (визуальной и ольфакторной) привлекательности, света, тепла, т.е. знаков жизни: «я возвратился на поверхность земли, испытывая чувство высокого наслаждения от яркого солнечного света, чистого воздуха и вида самой земной поверхности, которых был лишен» [18. С. 47]; «Был чудный южный вечер, с ясным небом и мириадами блестящих звезд. Земля... ускороенно дышала теплом и... в воздухе веяло... ароматом степей. Зажженные фонари... утопали в серебристых лучах мерно выплывающей луны» [18. С. 48]. Попадание нарратора в идиллическое пространство¹ вновь актуализирует ониризм: «Воспоминания и разного рода мысли роились одна за другой, сменяясь как в калейдоскопе» [18. С. 48]. Отсюда возникает известное нам по романтическому нарративу раздвоение хронотопа на мир «действительной жизни» [18. С. 48] (большой мир, куда должен уехать нарратор) и малороссийский топос, где смешаны реальность и визионерство. При этом ониризм сцены прощания с Малороссией связан не только с идиллической ипостасью пиитического топоса, но и с легендарно-исторической, т.е. совершается переход также в пространство исторической памяти.

Вообще в репрезентации Харьковщины историческое начало выражено наиболее ярко. Так, оно актуализировано в описании Славянска, где Харьковская губерния предстает как спорное лиминальное пространство XVII–XVIII вв. между «Московским государством» и

¹ Время в идиллическом пространстве характеризуется темпоральным «ускорением» в противоположность ретардации при посещении антиидиллической шахты, когда три часа показались нарратору «целой вечностью»: «Бывают минуты, когда человек переживает сознанием гораздо более, чем в целые годы; такими минутами для меня были дни пребывания в оставляемой мною теперь Малороссии» [18. С. 48].

маркируемыми мотивом «опустошительных набегов» [18. С. 27] татарами, в противостоянии с которыми утверждается русскость территории. Евсеенко приводит в связи с этим четыре опорных даты и два основных образа русской персониферы: в 1600 г. Борис Годунов основывает на данной земле крепость Царьборисов, которая «вскоре была совершенно уничтожена татарами» [18. С. 28]. Затем в 1640 г. русскость выступает в варианте казацкости, когда «днепровские казаки» были переселены сюда из Черкас, в том числе на Торские озера, где окончательно закрепляются лишь в 1651 г., основывая город Тор, переименованный Екатериной II в 1798 г. в Славянск и включенный «в состав Слободско-Украинской губернии» [18. С. 28]. Далее пространство исторической памяти маркировано смешением (велико)русскости и казацкости / малороссийскости в экфразисе картин из дворца графа Рибопьера неподалеку от Святогорского монастыря: в графской картинной галерее «в лицах» «проходит почти вся история Малороссии и борьба казачества с татарами за обладание этими местами; вот горделивый князь Потемкин, первый владетель Святых Гор, с ним рядом Богдан Хмельницкий в своем живописном костюме, хитрый гетман Дорошенко, Полуботка, гетман Разумовский и другие» [18. С. 42]. Как видим, Евсеенко перечисляет образы малороссийской персониферы не в хронологическом порядке, придерживаясь, однако, рамок XVII–XVIII вв. Также к историческим фигурам добавлена легендарная, по сути, мифопоэтическая персона боярина Карачуна «с грозным взглядом» [18. С. 42]. В финальной сцене казацкое пространство исторического прошлого, вновь актуализированное посредством ониризма, противопоставляется «нынешней Малороссии» как потерянному раю, утратившему большую часть своей пиитичности, ушедшему от естественности в сторону цивилизации, маркированной локусами техносферы (железными дорогами и шахтами): «нынешняя Малороссия, прорезанная железными дорогами и изрытая всевозможными копиями, мало уже в чем напоминает былую ее историю, былое время гетманщины, татарских набегов и даже склад самой жизни, но все же она пробуждает еще и теперь теплые воспоминания о прошлом» [18. С. 48]. Легендарность данного прошлого подчеркнута интертекстуальностью – отсылкой к тексту Шевченко: «Було колысь – в України ревили гарматы, було колысь – Запорозці вмили пануваты»

[18. С. 48]. В настоящем же для нарратора темпоральном слое казац-
кость выступает анахронизмом, онирическим конструктом.

Таким образом, репрезентацию малороссийского пространства в
тексте Евсеенко можно представить посредством оппозиций в рамках
топосов Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний. В част-
ности, мы имеем дело с образами Малороссии, «фактографической»,
нейтрально изображаемой и пиитической, описываемой положи-
тельно. При этом нейтральный нарратив хотя и составляет большую
часть повествования, носит, на наш взгляд, подчиненный характер по
отношению к пиитическому элементу. Важность последнего опреде-
лена его актуализацией в «сильных» местах текста – названии и фи-
нальной сцене, где пиитичность выражена в наибольшей степени.

Необходимо отметить, что эта пиитичность имеет две ипостаси,
одна из которых – идиллическая, связанная, по сути, с ахронным юж-
ным пространством полуденной России и маркируемая мотивами (ви-
зуальной, ольфакторной и аудиальной) привлекательности, тишины и
покоя, демиприродности как проявления мифологемы естественности.
Это начало в разной степени выражено в трех локальных малороссий-
ских вариантах и противопоставлено антиидиллическому элементу,
негативно изображаемой Малороссии.

В наибольшей степени антиидиллия выражена в репрезентации
Черниговщины, где она актуализирована при описании городских
провинциальных топосов, отмеченных мотивами либо техницистской
цивилизации как противоположности и порчи естественности (загряз-
нение / отравления «стихий» земли, воды и воздуха, эксплуатации
людей и природы, что, в частности, находит отражение в мотивах
обезлесения и опустынивания земель), либо провинциальности (сон-
апатия, неразумие, серость, скука и т.п.). За этими описаниями скрыта
аксиологическая триада «неразумие, воплощенное в апатии, суеве-
риях, – разумность (золотая середина как просвещенность, научность)
– целерациональность, ограниченная жаждой наживы», где крайние
варианты, по сути, соединяются в общей энтропийности антиидил-
лии, т.е. Черниговщина в тексте есть вариант потерянного (осквернен-
ного) рая. Идиллическим в ее изображении является лишь репрезен-
тация лесного пространства, обозначенного мотивами оздоровления,
чистоты, свободного дыхания, отдохновения. Стоит также отметить,
что Черниговская губерния в наименьшей степени отмечена не только

«пиитичностью», но и малороссийскостью (в отношении антропоного пространства), которая здесь носит формально-административный характер.

Далее по степени идилличности следует репрезентация Харьковской губернии, где мы встречаем, с одной стороны, умеренно идиллический топос Славянска и гражданского курорта при нем, а также крайне экспрессивно описываемый сакральный и одновременно демиприродный локус Святогорского монастыря, а с другой – имеющие негативные коннотации локусы военной водолечебницы, горловских шахт. Последние имеют черты антиидиллии, сходные с черниговской (мотивы отравленного воздуха / затрудненного дыхания, эксплуатации человека), правда, менее выраженные. Для антропоной сферы характерно сочетание малороссийскости и великорусскости.

В наибольшей степени идиллия актуализирована в изображении Полтавской губернии, демиприродность которой имеет степной характер. Центром этой идиллии выступает образ Полтавы, единственного губернского города, описанного в евсеенковском травелоге. Также антропоная малороссийскость выражена в данном пространственном варианте сильнее всего.

Кроме того, идиллический мотив ясного неба проявлен в репрезентациях более «пиитических» Полтавской и Харьковской губерний. В целом образ современной автору «пиитической» Малороссии хотя и показан как утративший часть идилличности, проявляет данное свойство в большей степени, чем иные территории России и проникнут ониризмом, актуализирующим окказиональное противопоставление Малороссии (места приюта-отдохновения) и большой России с ее «действительной жизнью» и «болезненной нервностью», к которым вынужден возвращаться нарратор.

Неравномерно относительно локальных вариантов актуализирована и вторая, легендарно-историческая, ипостась «пиитичности». Пространство исторической памяти Черниговщины проявлено в описаниях локусов, относящихся к производственной и старообрядческой сферам. При изображении Полтавщины мы имеем дело только со слабо экспрессивными образами, связанными с Полтавской битвой. Ярче всего историчность представлена в описании Харьковской губернии (исторической Слобожанщины), в репрезентации которой

сделан акцент на русско-татарской лиминальности территории во временных рамках XVII–XVIII вв. Мотив потерянного рая здесь актуализирован в противопоставлении современной частично техницистской Малороссии легендарно-исторической Малороссии прошлого, в пространстве которой ярко выражен казацкий элемент.

Список источников

1. *Марчуков А.В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М. : Регнум, 2011. 294 с.
2. *Беляков С.С.* Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 752 с.
3. *Крюкова О.С.* Романтический образ Украины в русской литературе XIX века. М. : Наука, 2017. 125 с.
4. *Назаренко М.И.* Сокращенный рай. Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. 2009. № 7. С. 160–172. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/7/sokrashhennyj-raj.html
5. *Шаталов Д.В.* «Путевая литература» начала XIX века и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 224–240.
6. *Васильева Т.А.* «Любовь к стране своей родной и к притеснителям презренье...»: национализация древнерусского прошлого и конструирование образа Малороссии в ранней романтической словесности // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 5–29.
7. *Овчинников Д.П.* Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н.В. Гоголя (введение в тему) // Язык и культура. 2016. № 26. С. 194–199.
8. *Курьянов С.О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 765–770.
9. *Курьянов С.О.* О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе // Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей. Симферополь: ИП Минакир И.Л., 2018. С. 40–47.
10. *Сторожева А.А.* Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XI Всероссийской конференции. М.: МПГУ, 2021. С. 155–161.
11. *Жданов С.С.* «Нехай же москвичи к провинциям суровы...»: образ Кременчуга в травелоге И.М. Долгорукого // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIV Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 85-годдзю філал. фак. Беларус. дзярж. ун-та, Рэсп. Беларусь, Мінск, 26 верас. 2024 г. Мінск : БДУ, 2024. С. 31–37.
12. *Жданов С.С.* Образы малороссийского пространства в «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 34–47.

13. Жданов С.С. «Пиитическая Малороссия»: украинская пространственная образность в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 180–201.

14. Жданов С.С. Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И.М. Долгорукого // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 9. С. 239–268.

15. Мацапура В.И. Украинская тема в русской литературе первой половины XIX века (проблемы эволюции, мифологизации, интертекстуальности) : дис. ... д-ра филол. наук. Харьков, 2002. 441 с.

16. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX в.: пространство историческое и литературное : дис. ... д-ра филос. по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.

17. Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.

18. Евсеев С.С. Под ясным небом Малороссии: (Путевые заметки и наблюдения). М. : Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901. 49 с.

19. Левкиевская Е.Е. Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы // Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии: сборник статей. М. : Институт славяноведения РАН, 2008. С. 154–176.

20. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова : в 2 ч. СПб. : Императорская типография, 1803. Ч. I. 276 с.

21. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М. : Университетская типография (Катков и К°), 1870. 355 с.

22. Жданов С.С. Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сборник материалов : в 8 т. Новосибирск : СГУГиТ, 2024. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философскогуманитарное и социально-правовое измерение». С. 68–81.

23. Левишин А.И. Письма из Малороссии. Харьков : Университетская типография, 1816. 206 с.

24. Погодин М.П. Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитянин. 1844. № 1. С. 151–173.

25. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции : в 3 ч. СПб. : Типография Н. Греча, 1839. Ч. 3. 198 с.

26. Жданов М.П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях. СПб. : Издание В. Полякова, 1843. 212 с.

27. Сидоров В.М. Окольной дорогой: (Путевые заметки и впечатления). СПб. : Тип. А. Катанского и К°, 1891. 338 с.

28. Бибииков П.А. От Петербурга до Екатеринославля (Часть III) // Время. 1863. № 4. С. 98–141.

29. Молчанов А.Н. По России. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1884. 467 с.

30. Беляков С.С. Русский взгляд на украинца // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 80–91.

References

1. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolai Gogol' i ego vremya* [The Image of Ukraine in the Russian Consciousness. Nikolai Gogol and His Time]. Moscow: Regnum.

2. Belyakov, S.S. (2016) *Ten' Mazepy. Ukrainskaya natsiya v epokhu Gogolya* [The Shadow of Mazepa. The Ukrainian Nation in the Age of Gogol]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi.

3. Kryukova, O.S. (2017) *Romanticheskii obraz Ukrainy v russkoy literature XIX veka* [The Romantic Image of Ukraine in 19th Century Russian Literature]. Moscow: Nauka.

4. Nazarenko, M.I. (2009) Sokrashchennyi ray. Ukraina mezhdue Gogolem i Shevchenko [Abbreviated Paradise. Ukraine Between Gogol and Shevchenko]. *Novyi mir*. 7. pp. 160–172. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/7/sokrashchennyj-ray.html (Accessed: 26.06.2024).

5. Shatalov, D.V. (2014) "Putevaya literatura" nachala XIX veka i formirovanie istoriograficheskogo obraza ukrainskogo kazachestva ["Travel Literature" of the Early 19th Century and the Formation of the Historiographical Image of the Ukrainian Cossacks]. In: *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* [The Historian's World: Historiographical Collection]. Is. 9. Omsk: OmSU. pp. 224–240.

6. Vasil'eva, T.A. (2016) The Love of His Native Country and the Contempt to Oppressors...": Nationalization of the Old Russian Past and the Construction of Ukraine's Image in the Early Romantic Literature. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (5). pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/5/1

7. Ovchinnikov, D.P. (2016) Malorossiya i malorossiiskii tekst v tvorchestve N.V. Gogolya (vvvedenie v temu) [Little Russia and the Little Russian Text in the Work of N.V. Gogol (Introduction to the Topic)]. *Yazyk i kul'tura*. 26. pp. 194–199.

8. Kur'yanov, S.O. (2018) Ob ukrainskom tekste v russkoy romanticheskoy literature [On the Ukrainian Text in Russian Romantic Literature]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 6. pp. 765–770.

9. Kur'yanov, S.O. (2018) O russko-ukrainskikh literaturnykh svyazyakh i ob ukrainskom tekste v russkoy literature [On Russian-Ukrainian Literary Connections and the Ukrainian Text in Russian Literature]. In: *Krymskiy gumanitarnyy vestnik: sbornik nauchnykh statei* [Crimean Humanitarian Bulletin: Collection of Scientific Articles]. Simferopol: IP Minakir I.L. pp. 40–47.

10. Storozheva, A.A. (2021) [The Image of the Steppe in Sentimental Travelogues of the Early 19th Century]. In: *Literatura Drevney Rusi i Novogo vremeni* [Literature

of Ancient Rus and Modern Times]. Proceedings of the 11th All-Russian Conference. Moscow: MPSU. pp. 155–161. (In Russian).

11. Zhdanov, S.S. (2024) ["Let the Muscovites Be Harsh Towards the Provinces...": The Image of Kremenchug in the Travelogue of I.M. Dolgoruky]. *Slavyanskiya literatury ŷ kontekstse susvetnai* [Slavic Literatures in the Context of World Literature]. Proceedings of the 14th International Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Philological Faculty of the Belarusian State University. Republic of Belarus, Minsk. September 26, 2024. Minsk: BDU. pp. 31–37.

12. Zhdanov, S.S. (2024) Images of Little Russian Space in Letters from Little Russia by Aleksey Levshin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 34–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/4

13. Zhdanov, S.S. (2024) "Poetic Little Russia": Ukrainian spatial imagery in the travelogue Travel Letters from England, Germany and France by Nikolai Gretschn. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22. pp. 180–201. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/22/11

14. Zhdanov, S.S. (2024) Travestiinaya gorodskaya Malorossiya v traveloge "Slavny bubny za gorami, ili puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda" I.M. Dolgorukogo [Travestied Urban Little Russia in the Travelogue "Famous Drums Beyond the Mountains, or My Journey to Somewhere in 1810" by I.M. Dolgoruky]. *Nauchnyy dialog*. 13 (9). pp. 239–268.

15. Matsapura, V.I. (2002) *Ukrainskaya tema v russkoi literature pervoi poloviny KHIX veka (problemy evolyutsii, mifologizatsii, intertekstual'nosti)* [The Ukrainian Theme in Russian Literature of the First Half of the 19th Century (Problems of Evolution, Mythologization, Intertextuality)]. Philology Dr. Diss. Khar'kov.

16. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy treti XIX v.: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kiev in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space]. PhD Diss. (Russian Literature). Tartu.

17. Vasil'eva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiiskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka* [At the Origins of Ukrainophilism: The Image of Ukraine in Russian Literature of the Late 18th – First Quarter of the 19th Century]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

18. Evseenko, S.S. (1901) *Pod yasnym nebom Malorossii: (Putevye zametki i nablyudeniya)* [Under the Clear Sky of Little Russia: (Travel Notes and Observations)]. Moscow: Tipo-litografiya t-va I.N. Kushnerev i K^o.

19. Levkievskaya, E.E. (2008) Ukraina i ukraintsy: obrazy, predstavleniya, stereotipy [Ukraine and Ukrainians: Images, Perceptions, Stereotypes]. In: *Russkie i ukraintsy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii: sbornik statey* [Russians and Ukrainians in Mutual Communication and Perception: Collection of Articles]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 154–176.

20. Sumarokov, P.I. (1803) *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova: v 2 ch.* [Leisure Hours of a Crimean Judge, or Pavel Sumarokov's Second Journey to Taurida: in 2 parts]. Part 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya.

21. Dolgorukiy, I.M. (1870) *Slavny bubny za gorami, ili puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Famous Drums Beyond the Mountains, or My Journey to Somewhere in 1810]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko).
22. Zhdanov, S.S. (2024) [Spatial Images of Western Ukraine in "Letters of a Russian Officer" by F.N. Glinka]. *Interexpo GEO-Sibir'* [Interexpo GEO-Siberia]. 20th International Scientific Congress. May 15–17, 2024. Novosibirsk. Proceedings: in 8 vols]. Vol. 5. Novosibirsk: SGUGiT. pp. 68–81. (In Russian).
23. Levshin, A.I. (1816) *Pis'ma iz Malorossii* [Letters from Little Russia]. Kharkiv: Universitetskaya tipografiya.
24. Pogodin, M.P. (1844) Poездка pr<ofessora> Pogodina zagranitsu v 1842 godu [Professor Pogodin's Trip Abroad in 1842]. *Moskvityanin*. 1. pp. 151–173.
25. Grech, N.I. (1839) *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii: v 3 ch.* [Travel Letters from England, Germany and France: in 3 parts]. Part 3. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
26. Zhdanov, M.P. (1843) *Putevye zapiski po Rossii, v dvadtsati guberniyakh* [Travel Notes Across Russia, in Twenty Provinces]. Saint Petersburg: Izdanie V. Polyakova.
27. Sidorov, V.M. (1891) *Okol'noy dorogoy: (Putevye zametki i vpechatleniya)* [By a Roundabout Route: (Travel Notes and Impressions)]. Saint Petersburg: Tip. A. Katanskogo i K^o.
28. Bibikov, P.A. (1863) Ot Peterburga do Ekaterinoslavlya (Chast' III) [From St. Petersburg to Ekaterinoslav (Part III)]. *Vremya*. 4. pp. 98–141.
29. Molchanov, A.N. (1884) *Po Rossii* [Across Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya ministerstva putei soobshcheniya.
30. Belyakov, S.S. (2015) Russkiy vzglyad na ukraintsa [The Russian View of the Ukrainian]. *Voprosy natsionalizma*. 2 (22). pp. 80–91.

Информация об авторах:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник языкового центра «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий. E-mail: fstud2008@yandex.ru

Гаузер И.В. – канд. культурологии, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); старший преподаватель кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий. E-mail: fstud2008@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

I.V. Gauzer, Cand. Sci. (Cultural Studies), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 29.08.2025.

The article was accepted for publication 29.08.2025.